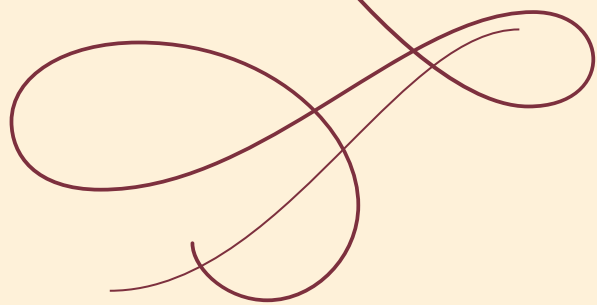

Чарльз Диккенс

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ
КОЛОКОЛА
СКРЯГА СКРУДЖ

WWW.KSDBOOK.RU | WWW.BOOKCLUB.UA

ISBN 978-5-9910-3640-5

9 785991 036405

ISBN 987-617-12-1072-1

9 786171 210721

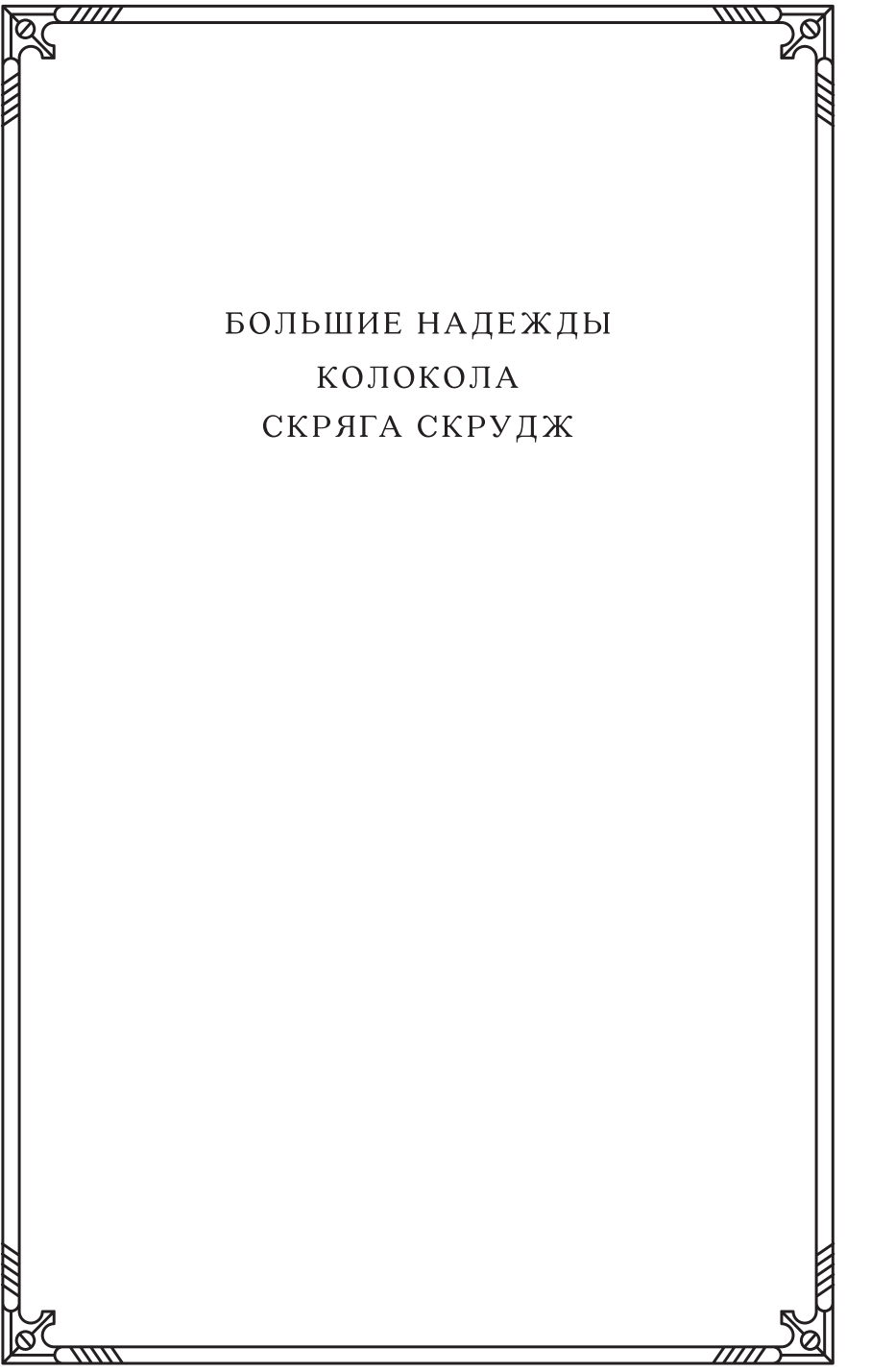
БОЛЬШИЕ
НАДЕЖДЫ

СБОРНИК

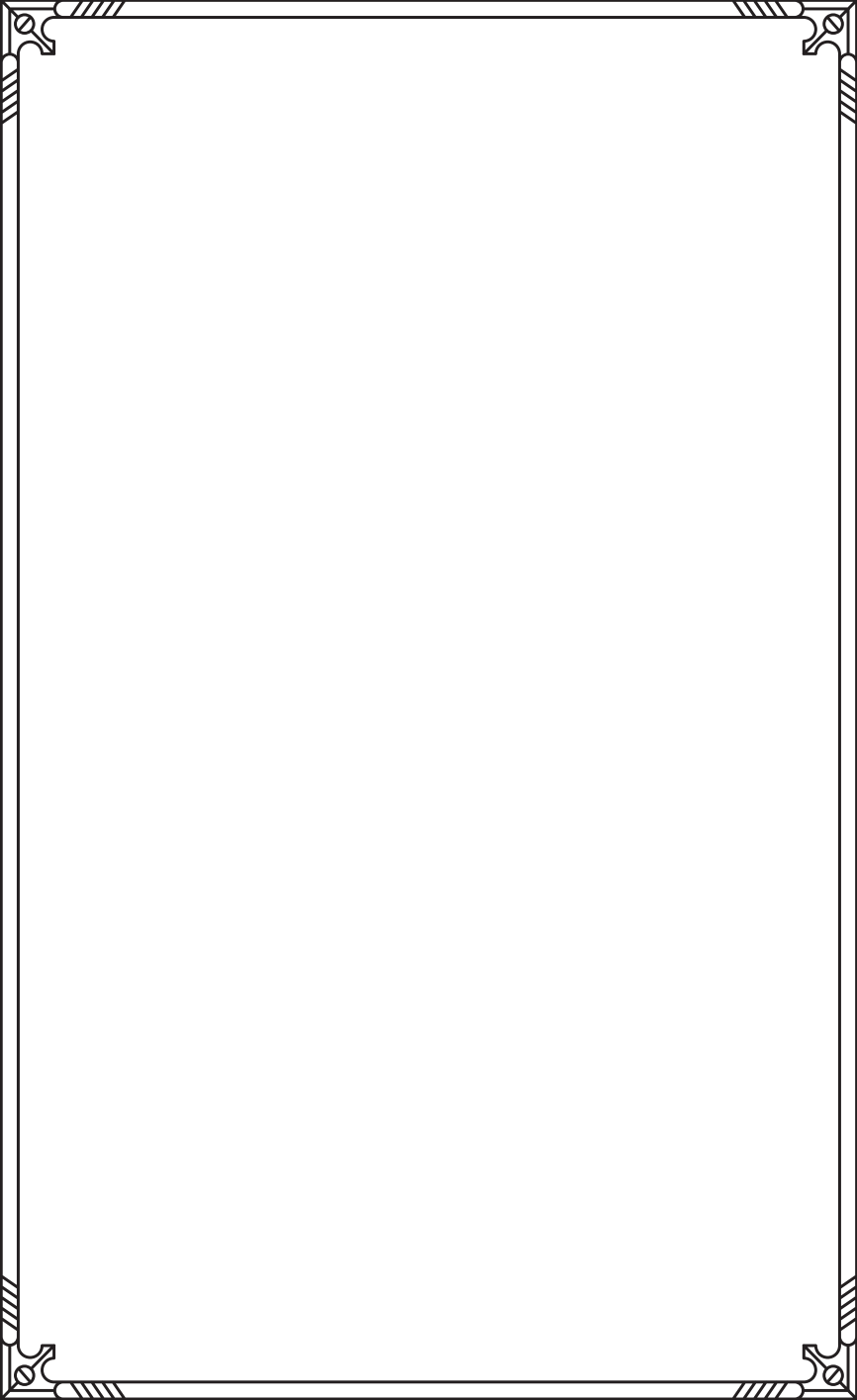
Чарльз Диккенс

Чарльз Диккенс

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ
КОЛОКОЛА
СКРЯГА СКРУДЖ

Чарльз Диккенс

БОЛЬШИЕ
НАДЕЖДЫ
СБОРНИК

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос)
Д45

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Печатается по изданиям:

- Диккенс Ч. Большие надежды / Чарльз Диккенс // Приложение к журналу «Отечественные Записки». — 1861. — №№ 4—8.
Диккенс Ч. Колокола / Чарльз Диккенс // Бесплатное приложение к журналу «Природа и люди». — 1909.
Диккенс Ч. Скряга Скрудж. Святочная песня в прозе / Чарльз Диккенс. — СПб: Н. Г. Мартынов, 1898.

Дизайнер обложки *Евгений Мельничук*

ISBN 987-617-12-1072-1 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3640-5 (Россия)

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

I

Фамилия отца моего была Пиррип, а имя, данное мне при крещении, Филипп. Из этих-то двух имен еще в детстве вывел я нечто среднее — Пип, похожее на то и на другое. Так назвал я себя Пипом да и пошел по белому свету. Пип да Пип, меня иначе и не звали.

О том, что отец мой носил фамилию Пиррип, мне достоверно известно из надписи на его могильной плите, а также со слов моей сестры миссис Джо Гарджери, которая вышла замуж за кузнеца. Оттого, что я никогда не видел ни отца, ни матери, ни каких-либо их портретов (о фотографии в те времена и не слыхивали), первое представление о родителях странным образом связалось у меня с их могильными плитами. По форме букв на могиле отца я почему-то решил, что он был плотный и широкоплечий, смуглый, с черными курчавыми волосами. Надпись «А также Джорджиана, супруга вышереченного» вызывала в моем детском воображении образ матери — хилой веснушчатой женщины. Аккуратно расположенные в ряд возле их могилы пять узеньких каменных надгробий, каждое фута в полтора длиной, под которыми покоились пять моих маленьких братцев, рано отказавшихся от попыток уцелеть во всеобщей борьбе, породили во мне твердую уверенность, что все они появились на свет, лежа навзничь и спрятав руки в карманы штанишек, откуда и не вынимали их за все время своего пребывания на земле.

Мы жили в болотистом крае близ большой реки, в двадцати милях от места ее впадения в море. Вероятно, свое первое сознательное впечатление от окружающего меня широкого мира я получил в один памятный зимний день, уже под вечер.

Ближе к вечеру мне впервые стало ясно, что это унылое место, обнесенное оградой и густо заросшее крапивой, — кладбище; что Филип Пиррип, житель сего прихода, а также Джорджиана, супруга вышереченного, умерли и похоронены; что малолетние сыновья их, младенцы Александр, Бартоломью, Абраам, Тобиас и Роджер, тоже умерли и похоронены; что плоская темная даль за оградой, вся изрезанная дамбами, плотинами и шлюзами, среди которых кое-где пасется скот, — это болота; что замыкающая их свинцовая полоска — река; далекое логово, где родится свирепый ветер, — море; а маленькое дрожащее существо, что затерялось среди всего этого и плачет от страха, — Пип.

— А ну, замолчи! — раздался грозный окрик, и среди могил, возле паперти, внезапно вырос человек. — Не ори, чертенок, не то я тебе горло перережу!

Страшный человек в грубой серой одежде, с тяжелой цепью на ноге! Человек без шапки, в разбитых башмаках, голова обвязана какой-то тряпкой. Человек, который, как видно, мок в воде и полз по грязи, сбивал и ранил себе ноги о камни, человек, которого жгла крапива и рвал терновник! Он хромал и трясся, тарачил глаза и хрипел и вдруг, громко стуча зубами, схватил меня за подбородок.

— Ой, не режьте меня, сэр! — в ужасе взмолился я. — Пожалуйста, сэр, не надо!

— Как тебя звать? — спросил человек. — Ну, живо!

— Пип, сэр.

— Как, как? — переспросил человек, сверля меня глазами. — Повтори.

— Пип. Пип, сэр.

— Где ты живешь? — спросил человек. — Покажи!

Я указал пальцем туда, где на плоской прибрежной низине, в доброй миле от церкви, приютилась среди ольхи и ветел наша деревня.

Он поглядел на меня с минуту, потом схватил, повернул верху ногами и вытряс мои карманы. В них не оказалось ничего, кроме ломтя хлеба. Он так сильно и неожиданно опро-

кинул меня, что в глазах у меня зарябило, все окружавшие предметы завертелись и шпиль церкви пришелся как раз у меня между ногами. Когда церковь очутилась за прежнем месте, я сидел на высоком камне, дрожа от страха, а он жадно уничтожал мой хлеб.

— Ах ты, щенок! — сказал он, облизываясь. — Какие у тебя, брат, жирные щеки...

Я думаю, они действительно были жирны, хотя в то время я был мал не по летам и некрепкого сложения.

— Черт возьми! Отчего бы мне их не съесть? — осведомился страшный человек, грозно кивая головой. — Да-да, я, кажется, именно это и сделаю.

Я очень серьезно его попросил не делать этого и крепче ухватился за могильный камень, на который он меня посадил, — отчасти для того, чтобы не свалиться, отчасти для того, чтобы сдержать слезы.

— Слышь, ты, — сказал человек. — Где твоя мать?

— Здесь, сэр, — сказал я.

Он вздрогнул и кинулся было бежать, потом, остановившись, оглянулся через плечо.

— Вот здесь, сэр, — робко пояснил я. — «Также Джорджиана». Это моя мать.

— А-а, — сказал он, возвращаясь. — А это, рядом с матерью, твой отец?

— Да, сэр, — сказал я. — Он тоже здесь: «Житель сего прихода».

— Так, — протянул он и помолчал. — С кем же ты живешь или, вернее сказать, с кем жил, потому что я не решил еще, оставить тебя в живых или нет.

— С сестрой, сэр. Миссис Джо Гарджери. Она жена кузнеца, сэр.

— Кузнеца, говоришь? — переспросил он. И посмотрел на свою ногу.

Он несколько раз переводил хмурый взгляд со своей ноги на меня и обратно, потом подошел ко мне вплотную, взял за плечи и запрокинул назад сколько мог дальше, так что его

глаза испытующе глядели на меня сверху вниз, а мои растерянно глядели на него снизу вверх.

— Теперь слушай меня, — сказал он, — и помни, что я еще не решил, оставить тебя в живых или нет. Что такое подпилоч, ты знаешь?

— Да, сэр.

— А что такое жратва, знаешь?

— Да, сэр.

После каждого вопроса он легонько встряхивал меня, чтобы я лучше чувствовал грозящую мне опасность и полную свою беспомощность.

— Ты мне достанешь подпилоч. — Он потрянул меня. — И достанешь жратвы. — Он снова потрянул меня. — И принесешь все сюда. — Он снова потрянул меня. — Не то я вырву у тебя сердце с печенкой. — Он снова потрянул меня.

Я был до смерти перепуган, и голова у меня так кружилась, что я вцепился в него обеими руками и сказал:

— Пожалуйста, сэр, не трясите меня, тогда меня, может, не будет тошнить и я лучше пойму.

Он так запрокинул меня назад, что церковь перескочила через свою флюгарку. Потом выпрямил одним рывком и, все еще держа за плечи, заговорил страшнее прежнего:

— Завтра чуть свет ты принесешь мне подпилоч и жратвы. Вон туда, к старой батарее. Если принесешь, и никому ни слова не скажешь, и виду не подашь, что встретил меня или кого другого, тогда, так и быть, живи. А не принесешь или отступишь от моих слов хоть вот на столько, тогда вырвут у тебя сердце с печенкой, зажарят и съедят. И ты не думай, что мне некому помочь. У меня тут спрятан один приятель, так я по сравнению с ним просто ангел. Этот мой приятель слышит все, что я тебе говорю. У этого моего приятеля свой секрет есть, как добраться до мальчишки, и до сердца его, и до печенки. Мальчишке от него не спрятаться, пусть лучше и не пробует. Мальчишка и дверь запрет, и в постель залезет, и с головой одеялом укроется, и будет думать, что вот, мол, ему тепло и хорошо и никто его не тронет, а мой приятель тихонько к нему

подберется да и зарежет! Мне и сейчас-то знаешь, как трудно сделать, чтобы он на тебя не бросился. Я его еле держу, до того ему не терпится тебя сцапать. Ну, что ты теперь скажешь?

Я сказал, что достану ему подпилоч, и еды достану, сколько найдется, и принесу рано утром.

— Повтори за мной: «Разрази меня Бог, если вру», — сказал человек.

Я повторил, и он снял меня с камня.

— А теперь, — сказал он, — не забудь, что обещал, и про того моего приятеля не забудь, и беги домой.

— П-покойной ночи, сэр, — пролепетал я.

— Покойной! — сказал он, окидывая взглядом холодную мокрую равнину. — Где уж тут! В лягушку бы, что ли, превратиться. Либо в угря.

Он крепко обхватил обеими руками свое дрожащее тело, словно опасаясь, что оно развалится, и заковылял к низкой церковной ограде. Он продирался сквозь крапиву, сквозь репейник, окаймлявший зеленые холмики, а детскому моему воображению представлялось, что он увертывается от мертвецов, которые бесшумно протягивают руки из могил, чтобы схватить его и утащить к себе, под землю.

Он дошел до низкой церковной ограды, тяжело перелез через нее — видно было, что ноги у него затекли и онемели, — а потом оглянулся на меня. Тогда я повернул к дому и пустился наутек. Но, пробежав немного, я оглянулся: он шел к реке, все так же обхватив себя за плечи и осторожно ступая сбитыми ногами между камней, набросанных на болотах, чтобы можно было проходить по ним после затяжных дождей или во время прилива.

Я смотрел ему вслед: болота тянулись передо мною длинной черной полосой; и река за ними тоже тянулась полосой, только поуже и посветлее; а в небе длинные кроваво-красные полосы перемежались с густо-черными. На берегу реки глаз едва различал единственные во всем ландшафте два черных предмета, устремленных вверх: маяк, по которому держали курс корабли, — очень безобразный, если подойти к нему

поближе, словно бочка, надетая на шест, и виселицу с обрывками цепей, на которой некогда был повешен пират. Человек ковылял прямо к виселице, словно тот самый пират воскрес из мертвых и, прогулявшись, теперь возвращался, чтобы снова прицепить себя на старое место. Мысль эта привела меня в содрогание; заметив, что коровы подняли головы и задумчиво смотрят ему вслед, я спросил себя, не кажется ли им то же самое. Я огляделся, ища глазами кровожадного приятеля моего незнакомца, но ничего подозрительного не обнаружил. Однако страх снова овладел мною, и я, уже не останавливаясь больше, побежал домой.

II

Моя сестра миссис Джо Гарджери была меня старше более чем на двадцать лет и заслужила уважение в собственных глазах и в глазах соседей тем, что воспитала меня «своими руками». Поскольку мне пришлось самому додумываться до смысла этого выражения и поскольку я знал, что рука у нее тяжелая и жесткая и что ей ничего не стоит поднять ее не только на меня, но и на своего мужа, я считал, что нас с Джо Гарджери обоих воспитали «своими руками».

Моя сестра была далеко не красавица; поэтому у меня создалось впечатление, что она и женила на себе Джо Гарджери своими руками. У Джо Гарджери, светловолосого великана, льняные кудри обрамляли чистое лицо, а голубые глаза были до того светлые, как будто их синева нечаянно перемешалась с их же белками. Это был золотой человек, тихий, мягкий, смирный, покладистый, простоватый, Геркулес и по силе своей и по слабости.

У сестры моей, миссис Джо, черноволосой и черноглазой, кожа на лице была такая красная, что я порою задавал себе вопрос: уж не моется ли она теркой вместо мыла? Была она рослая, костлявая и почти всегда ходила в толстом переднике с лямками на спине и квадратным нагрудником вроде панциря,

сплошь утыканным иголками и булавками. То, что она постоянно носила передник, она ставила себе в великую заслугу и вечно попрекала этим Джо. Я, впрочем, не вижу, зачем ей вообще нужно было носить передник или почему, раз уж она его носила, ей нельзя было ни на минуту с ним расстаться.

Кузница Джо примыкала к нашему дому, деревянному, как большая часть домов в нашей стороне в те времена. Когда я прибежал домой с кладбища, кузница была заперта и Джо сидел в кухне один-одинехонек. Мы с Джо одинаково страдали от ига моей сестры и потому жили душа в душу. Не успел я открыть двери, как Джо крикнул мне:

— Миссис Джо уже раз двенадцать выходила тебя искать, Пип! Она и теперь затем же вышла.

— Не-уже-ли?

— Да, Пип, — сказал Джо. — И, что хуже всего, она взяла с собой хлопущку.

При этом страшном известии я схватился за единственную пуговицу, оставшуюся на моей жилетке, и вперил отчаянный взор в огонь. Хлопущкой мы называли камыш с тоненьким навощенным кончиком, совершенно сглаженным от частого прикосновения с моим телом.

— Она тут сидела, — сказал Джо, — а потом как вскочит, да как схватит хлопущку, да и побежала лютовать на улицу. Вот так-то, — сказал Джо, глядя в огонь и помешивая угли просунутой через решетку кочергой. — Взяла да и побежала, Пип.

— Она давно ушла, Джо? — Я всегда видел в нем равного себе, такого же ребенка, только побольше ростом.

Джо взглянул на стенные часы.

— Да, наверно, уже минут пять как лютует. Ого, идет! Прячься за дверь, дружок, да завесься полотенцем.

Я послушался его совета. Моя сестра миссис Джо распахнула дверь и, почувствовав, что она не отворяется до конца, немедленно угадала причину и стала ее обследовать с помощью хлопущки. Кончилось тем, что она швырнула мною в Джо — в семейном обиходе я нередко служил ей метательным снарядом, — а тот, всегда готовый принять меня на любых

условиях, спокойно усадил меня в уголок и загородил своим огромным коленом.

— Где тебя носило, постреленок? — спросила миссис Джо, топнув ногой. — Сейчас же говори, где ты шатался, пока я тут места себе не находила от беспокойства да страха, а не то выволоку тебя из угла, будь вас тут хоть полсотни Пипов и целая сотня Гарджери.

— Я только ходил на кладбище, — сказал я, плача и потирая побитые места.

— На кладбище! — повторила сестра. — Кабы не я, ты бы давно был на кладбище. Кто тебя воспитал своими руками?

— Вы, — сказал я.

— А для чего это мне понадобилось, скажи на милость? — продолжала сестра.

Я всхлипнул:

— Не знаю.

— Ну и я не знаю, — сказала сестра. — В другой раз ни за что бы не стала. Это-то я знаю наверняка. С тех пор как ты родился, я вот этот передник, можно сказать, никогда не снимала. Мало мне горя, что я кузнецова жена (да притом муж-то Гарджери), так нет, изволь еще быть тебе матерью!

Но я уже не прислушивался к ее словам. Я уныло смотрел на огонь, и в злобно мерцающих углях передо мной вставали болота, беглец с тяжелой цепью на ноге, его таинственный приятель, подпилоч, жратва и связывавшая меня страшная клятва обворовать родной дом.

— Н-да! — сказала миссис Джо, водворяя хлопущку на место. — Кладбище! Легко вам говорить «кладбище»! — Один из нас, кстати сказать, не произнес ни слова. — Скоро я по вашей милости сама попаду на кладбище, и хороши вы, голубчики, будете без меня! Нечего сказать, славная парочка!

Воспользовавшись тем, что она стала накрывать на стол к чаю, Джо заглянул через свое колено ко мне в уголок, словно прикидывая в уме, какая из нас получится парочка, в случае если осуществится это мрачное пророчество. Потом он выпрямился и, как обычно бывало во время домашних бурь, стал

молча следить за миссис Джо своими голубыми глазами, правой рукой теребя свои русые кудри и бакены.

У моей сестры был особый, весьма решительный способ готовить нам хлеб с маслом.левой рукой она крепко прижимала ковригу к нагруднику, откуда в нее иногда впивалась иголка или булавка, которая затем попадала нам в рот. Потом брала на нож масла (не слишком много) и размазывала его по хлебу, как аптекарь готовит горчичник, проворно поворачивая нож то одной, то другой стороной, аккуратно подправляя и обирая масло у корки. Наконец, ловко оттерев нож о край горчичника, она отпиливала от ковриги толстый ломоть, рассекала его пополам и одну половину давала Джо, а другую мне.

В тот вечер я не посмел съесть свою порцию, хоть и был голоден. Нужно было приберечь что-нибудь для моего страшного знакомца и его еще более страшного приятеля. Я знал, что миссис Джо придерживается строжайшей экономии в хозяйстве и что моя попытка стащить у нее что-нибудь может окончиться ничем. Поэтому я решил на всякий случай спустить свой хлеб в штанину.

Оказалось, что отвага для выполнения этого замысла требуется почти сверхчеловеческая. Словно мне предстояло спрыгнуть с крыши высокого дома или броситься в глубокий пруд. И еще больше затруднял мою задачу ничего не подозревавший Джо. Оттого, что мы, как я уже упоминал, были товарищами по несчастью и в своем роде заговорщиками, и оттого, что он по доброте своей всегда рад был меня позабавить, мы завели обычай — сравнивать, кто быстрее съест хлеб: за ужином мы украдкой показывали друг другу надкушанные ломти, а потом старались еще пуще. В тот вечер Джо несколько раз вызывал меня на это дружеское состязание, показывая мне свой быстро убывающий ломоть; но всякий раз он убеждался, что я держу свою желтую кружку с чаем на одном колене, а на другом лежит мой хлеб с маслом, далее не початый. Наконец, собравшись с духом, я решил, что больше медлить нельзя и что будет лучше, если неизбежное свершится

самым естественным при данных обстоятельствах образом. Я улучил минуту, когда Джо отвернулся от меня, и спустил хлеб в штанину.

Джо явно огорчился, вообразив, что я потерял аппетит, и рассеянно откусил от своего хлеба кусок, который, казалось, не доставил ему никакого удовольствия. Он гораздо дольше обычного жевал его, что-то при этом обдумывая, и наконец проглотил, как пилюлю. Потом, нагнув голову набок, чтобы получше примериться к следующему куску, он невзначай поглядел на меня и увидел, что мой хлеб исчез.

Изумление и ужас, изобразившиеся на лице Джо, когда он, не успев донести ломоть до рта, впился в меня глазами, не ускользнули от внимания моей сестры.

— Что там еще случилось? — сварливо спросила она, отставляя чашку.

— Ну, знаешь ли! — пробормотал Джо, укоризненно качая головой. — Пип, дружок, ты себе этак и повредить можешь. Он где-нибудь застрянет. Ты ведь не прожевал его, Пип.

— Что еще случилось? — повторила сестра, повысив голос.

— Я тебе советую, Пип, — продолжал ошеломленный Джо, — ты покашляй, может, хоть немножко да выскочит. Ты не смотри, что это некрасиво, ведь здоровье-то важнее.

Тут сестра моя совсем взбеленилась. Она налетела на Джо, схватила его за волосы и стала колотить головой об стену, а я виновато взирал на это из своего угла.

— Теперь ты, может быть, скажешь мне, что случилось, боров ты пучеглазый, — выговорила она, переводя дух.

Джо рассеянно посмотрел на нее, потом так же рассеянно откусил от своего ломтя и опять уставился на меня.

— Ты ведь знаешь, Пип, — торжественно произнес он, засунув хлеб за щеку и таким таинственным тоном, словно, кроме нас, в комнате никого не было, — мы с тобой друзья, и я никогда не стал бы тебя выдавать. Но чтобы так... — он отодвинул свой стул, посмотрел на пол, потом опять перевел глаза на меня, — чтобы враз проглотить целый ломоть...

— Опять глотает, не прожевав? — крикнула сестра.

— Ты пойми, дружок, — сказал Джо, глядя не на миссис Джо, а на меня и все еще держа свой кусок за щекой, — я в твоём возрасте и сам так озорничал и много мальчишек видел, которые этикие штуки выкидывали; но такого я сроду не запомню, Пип, и счастье еще, что ты жив остался.

Сестра коршуном налетела на меня и за волосы вытащила из угла, ограничившись зловещими словами:

— Открой рот.

В то время какой-то скотина-лекарь снова пустил в ход дегтярную воду, и миссис Гарджери всегда держала порядочный запас ее в шкафу. Она, кажется, верила, что целебные свойства этой воды вполне соответствовали противному вкусу. Этот целительный эликсир давали мне в таких количествах, что, боюсь, порой от меня несло дегтем, как от нового забора. В тот вечер, ввиду серьезности заболевания, дегтярной воды потребовалась целая пинта, каковую в меня и влили, для чего миссис Джо зажала мою голову под мышкой, словно в тисках. Джо отделался половинной дозой, которую его, однако, заставили проглотить (к великому его расстройству — он размышлял о чем-то у огня, медленно дожевывая хлеб), потому что его «схватило». Судя по собственному опыту, могу предположить, что схватило его не до приема лекарства, а после.

Укоры совести тяжелы и для взрослого, и для ребенка; когда же у ребенка к одному тайному бремени прибавляется еще и другое, спрятанное в штанине, это — могу засвидетельствовать — поистине суровое испытание. От греховной мысли, что я намерен обокрасть миссис Джо (что я намерен обокрасть самого Джо, мне и в голову не приходило, потому что я никогда не считал его хозяином в доме), а также от необходимости и сидя и на ходу все время придерживать рукою хлеб я едва не лишился рассудка. А когда угли в очаге разгорались и вспыхивали от ветра, налетавшего с болот, мне чудился за дверью голос человека с цепью на ноге, который связал меня страшной клятвой и теперь говорил, что не может и не хочет голодать до утра, а подавай ему поесть сейчас же. Беспokoил меня и его приятель, так жаждавший моей крови, — а вдруг у него

не хватит терпения или же он по ошибке решит, что может угоститься моим сердцем и печенкой не завтра, а уже сегодня. Да, если у кого-нибудь волосы вставали дыбом от ужаса, так, наверно, у меня в тот вечер. Но, может, это только так говорится?

Дело было в сочельник, и меня заставили от семи до восьми, по часам, месить скалкой рождественский пудинг. Я попробовал месить с грузом на ноге (при этом лишний раз вспомнив про груз на ноге того человека), но от каждого моего движения хлеб неудержимо стремился выскочить наружу. К счастью, мне удалось под каким-то предлогом ускользнуть из кухни и спрятать его у себя в каморке под крышей.

— Что это? — спросил я, когда, покончив с пудингом, сел у огня погреться, пока меня не погнали спать. — Это пушка стреляет, Джо?

— Угу, — ответил Джо. — Опять арестант дал тягу.

— Что ты сказал, Джо?

Миссис Джо, всегда предпочитавшая сама давать объяснения, отчеканила: «Сбежал. Утек», — так же безапелляционно, как поила меня дегтярной водой.

Видя, что миссис Джо снова склонилась над рукоделием, я беззвучно, одними губами, спросил у Джо: «Что такое арестант?», а он, тоже одними губами, произнес в ответ длинную фразу, из которой я разобрал только одно слово — Пип.

— Один арестант дал тягу вчера вечером, после заката, — сказал Джо вслух. — Они тогда стреляли, чтобы оповестить об этом. Теперь, видно, оповещают о втором.

— Кто стрелял? — спросил я.

— Вот несносный мальчишка, — вмешалась сестра, оторвавшись от работы и строго взглянув на меня, — вечно он лезет с вопросами. Кто вопросов не задает, тот лжи не слышит.

Я подумал, как невежливо она говорит о себе, — значит, если я буду задавать вопросы, то услышу от нее ложь. Но вежливой она бывала только при гостях.

Тут Джо еще подлил масла в огонь: широко раскрыв рот, он старательно изобразил губами слово, которое я истолковал

как «блажит». Я, натурально, показал на миссис Джо и произнес одним придыханием:

— Она?

Но Джо и слышать об этом не хотел и, снова разинув рот, нечеловеческим усилием выдавил из себя какое-то слово, какое — я так и не понял.

— Миссис Джо, — обратился я с горя к сестре, — объясните, пожалуйста, — мне очень интересно, — откуда это стреляют?

— Господи помилуй! — воскликнула сестра так, словно просила для меня у Господа чего угодно, но только не помилования. — Да с баржи!

— А-а, — протянул я, глядя на Джо. — С баржи!

Джо укоризненно кашлянул, словно хотел сказать: «Я же так и говорил!»

— А что это за баржа? — спросил я.

— Наказание с этим мальчишкой! — вскричала сестра, указывая на меня рукой, в которой держала иголку, и качая головой. — Ответишь ему на один вопрос, так он тебе еще десять задаст. Плавучая тюрьма на старой барже, что стоит за болотами.

— Интересно, кого сажают в эту тюрьму и за что, — сказал я с мужеством отчаяния, ни к кому особо не адресуясь.

Терпение у миссис Джо лопнуло.

— Вот что, голубчик, — сказала она, быстро вставая, — не для того я воспитала тебя своими руками, чтобы ты из людей душу выматывал. Не велика бы мне тогда была честь. В тюрьму людей сажают за убийство, за кражу, за подлоги, за разные хорошие дела, а начинают они всегда с того, что задают дурацкие вопросы. А теперь — марш в постель.

Брать с собой наверх свечу мне не разрешалось. Я ощупью поднимался по лестнице, в ушах у меня звенело, потому что миссис Джо, в подкрепление своих слов, наперстком отбивала дробь на моей макушке, и я с ужасом думал о том, как удобно, что плавучая тюрьма так близко от нас. Было ясно, что мне ее не миновать: я начал с дурацких вопросов, а теперь собираюсь обокрасть миссис Джо.

Много раз с того далекого дня я задумывался над этой способностью детской души глубоко затаить в себе что-то из страха, пусть совершенно неразумного. Я смертельно боялся кровожадного приятеля, зарившегося на мое сердце и печеньку; я смертельно боялся моего знакомца с цепью на ноге; связанный страшной клятвой, я смертельно боялся самого себя и не надеялся на помощь всемогущей сестры, которая на каждом шагу шпыняла меня и осаживала. Страшно подумать, на какие дела меня можно было бы толкнуть, запугав и принудив к молчанию.

В ту ночь, едва я закрывал глаза, мне мерещилось, что быстрым течением меня несет прямо к старой барже; вот я проплываю мимо виселицы, и призрак пирата кричит мне в трубу, чтобы я выходил на берег, потому что меня давно пора повесить. Даже если бы мне хотелось спать, я бы боялся уснуть, помня, что, чуть рассветет, мне предстоит очистить кладовую. Ночью об этом нечего было и думать — в то время зажечь свечу было не так-то просто; искру высекали огнивом, и я бы нашумел не меньше, чем сам пират, если бы он загромыхал своими цепями.

Как только черный бархатный полог за моим оконцем начал бледнеть, я встал и отправился вниз, и каждая половица и каждая щель в половице кричала мне вслед: «Держи вора!», «Проснитесь, миссис Джо!» В кладовой, где по случаю праздника всякой снеди было больше обычного, меня сильно напугал заяц, подвешенный за задние ноги, — мне показалось, что он хитро подмигивает у меня за спиной. Однако проверить мое подозрение было некогда, и долго выбирать было некогда, у меня не было ни минуты лишней. Я стащил краюху хлеба, остаток сыра, полбанки фруктовой начинки (завязав все это в носовой платок вместе с вчерашним ломтем), отлил немного бренди из глиняной бутылки в склянку, которая была припрятана у меня на предмет изготовления крепкого напитка — лакричной настойки, а бутылку долил из кувшина, стоявшего в кухонном буфете, стащил кость почти без мяса и великолепный круглый свиной паштет. Я совсем было ушел без паштета, но в последнюю минуту меня взяло любопытство, что это за миска, накрытая крышкой, стоит в самом углу на верхней

полке, и там оказался паштет, который я и забрал в надежде, что он приготовлен впрок и его не сразу хватятся.

Из кухни была дверь прямо в кузницу, я отпер ее, отодвинул засов и среди инструментов Джо нашел подпилоч. Потом снова задвинул все болты и засовы, открыл входную дверь и, затворив ее за собой, побежал в туман, на болота.

III

Утро было сырое, туманное; окно мое вспотело, и капли воды струились по нему, будто леший проплакал там всю ночь и оросил его слезами. Сырость виднелась везде на голых плетнях и на скудной траве, раскинувшись, как паутина, от одного сучка к другому, от одной былинки к другой. Все было мокро, и заборы и ворота, а туман стоял такой густой, что я издали даже не заметил указательного перста на столбе, направлявшего путешественников в наше село (хотя, надо заметить, они никогда не следовали этому указанию и не заходили к нам). Когда я подошел ближе и взглянул на него, вода с него стекала на землю капля за каплею, и моей нечистой совести он показался каким-то привидением, обрекавшим меня на заключение на той самой барже. Туман стал еще гуще, когда я пошел по самому болоту: не я уже бежал на предметы, а предметы, казалось, бежали на меня. Это было очень неприятно для нечистой совести. Шлюзы, рвы, насыпи как бы бросались на меня из тумана и кричали: «Стой! Мальчишка украл чужой пирог, держи его!» Так же неожиданно я столкнулся и с целым стадом, вылупившим на меня глаза и испускавшим пар из ноздрей; стадо кричало: «Эй, ворюшка!» Один черный бык, в белом галстуке, напоминавший мне пастора, так упрямо смотрел на меня и так неодобрительно мотал головой, что я не вытерпел и завопил:

— Я не мог этого не сделать, сэръ! Я ведь взял не для себя!

В ответ на мои слова он опустил голову, выпустил из ноздрей целое облако пара и скрылся, лягая задними ногами и виляя хвостом.

Я быстро приближался к реке, но, хотя я очень спешил, ноги у меня ничуть не согрелись; ледяная сырость сковала их, как железо сковало ногу человека, на свидание с которым я бежал. Дорога на батарею была мне известна — я ходил туда с Джо как-то в воскресенье, и Джо, сидя на старой пушке, еще сказал мне в тот раз, что, когда меня честь честью запишут к нему в подмастерья, то-то будет расчудесно! И все же, сбившись в тумане с пути, я забрал слишком далеко вправо, и мне пришлось возвращаться обратно берегом реки, по каменистой дорожке вдоль илистой кромки и свай, задерживающих воду во время прилива. Стараясь не терять ни минуты, я живо перебрался через канаву, проходившую, как я помнил, совсем близко от батареи, и только что влез на противоположный откос, как увидел своего знакомого. Он сидел ко мне спиной, скрестив руки, и покачивался, словно во сне.

Решив устроить приятный сюрприз, я тихонько подошел к нему сзади и тронул его за плечо. Он мигом вскочил, и что же? Это был не тот человек, а совсем другой!

Однако у этого человека тоже была грубая серая одежда и железная цепь на ноге, и он хромал, и хрипел, и дрожал от холода, совсем как тот; только лицо было другое, и на голове — широкополая шляпа с низкой тульей. Все это я увидел в одно мгновение, потому что всего мгновение и видел его: он выругался и хотел меня ударить, но лишь замахнулся неуверенным, слабым движением — и сам едва удержался на ногах, а потом побежал прочь, в туман, два раза споткнулся, и тут я потерял его из виду.

«Это и есть тот приятель!» — подумал я, и у меня больно закололо в сердце. Вероятно, у меня и печенка бы заболела, если бы я только знал, где она находится.

Теперь мне оставалось добежать несколько шагов до батареи, где мой знакомец, поджидая меня, уже ковылял взад-вперед, обхватив себя руками, словно не прекращал этого занятия всю ночь. Он, как видно, совсем продрог. Я бы не удивился, если бы он тут же, не сходя с места, упал и замерз насмерть. Глаза у него были ужасно голодные: когда он, взяв у меня подпилочек,

Содержание

Большие надежды

~ 5 ~

Колокола

~ 523 ~

Скряга Скрудж

~ 611 ~

Літературно-художнє видання

ДИККЕНС Чарлз
Великі сподівання. Збірка

(російською мовою)

Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Координатор проекту *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратилат*
Редактор *С. В. Реутов*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *І. М. Андрющенко*

Підписано до друку 08.07.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 35,28. Наклад 10000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ДИККЕНС Чарльз
Большие надежды. Сборник

Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Координатор проекта *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *С. В. Реутов*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *И. Н. Андрющенко*

Подписано в печать 08.07.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 35,28. Тираж 10000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Диккенс Ч.

Д45 Большие надежды. Сборник / Чарльз Диккенс. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 672 с.
ISBN 987-617-12-1072-1 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3640-5 (Россия)

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос)